

ТО, ЧТО НЕ ОТНЯТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

неотумагорин

18+

Стас Неотумагорин

То, что не отнять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57145211

SelfPub; 2020

Аннотация

Магическое время года – весна. Весна в лучшем городе на планете. В городе интеллигентных снобов и поэтов с широкой душой. В городе с извилистой дорогой над Финским заливом и балтийских чаек, перекочевавших от большой воды на дворовые помойки. С новым фаллическим символом Лахта-центра, соперничающего со шпилем Петропавловки. Город, в котором всегда соседствуют мрачная романтика и светлые чувства. Там обитают необычные и вместе с тем простые люди. Сложно найти более подходящее время и место для главного героя. Молодой сибарит с прекрасным образованием, владеющий несколькими языками. Ценящий эстетику еды и напитков, уважающий профессионализм в любом проявлении. Выбирающий друзей не по глубине кармана, а по внутренней симпатии. Симпатии к собравшимся в одном из лучших петербургских ресторанов очень разным людям. Поднятые темы разговоров разнообразны. Дружба, любовь, бизнес, отношения, политика, искусство и музыка. И, конечно, взгляд на жизнь. Содержит нецензурную брань.

Весна. Еще не лето, но уже не зима. Этот год, за годом обнадёживающий феномен для людей. Новая Весна. Снова надежды. С новой весной новая жизнь.

Что есть по-настоящему весенний Петербург? Это не только погода. Это люди. Это другое выражение на лицах встречаемых прохожих. Это что-то особое, что витает в воздухе. Это газонное соседство темного снега с первыми тощими нарциссами и маленькими кривыми голубыми цветами-пролесками. Это всегда свежий и прохладный воздух. Это влажный пегий гранит в городском пейзаже. Камень, выщербленный воздухом, водой, людскими судьбами.

Прозрачное воздушное настроение. Нежелание думать о чём-то тяжёлом.

Женская часть населения укорачивает юбки. Девушки достают патроны помады. Холостых не жди. Каждый выстрел достигает цели. Мужчины подбирают живот. Вытягиваются по-военному. Чаще чистят обувь. Водители чаще моют машины и больше улыбаются. Водители и пешеходы становятся вежливее и внимательнее друг к другу. Иногда спорят на «зебре», уступают наперебой, кто, кого пропускает первый.

Детишки, внимательно высунув язык, рисуют мелками на просыхающем асфальте. Молодые мамы ожесточенно обсуждают детские болезни, сидя на белых длинных скамейках. Профессионально катают коляски взад вперёд.

Голуби близко подбираются к старикам протирающих

платком слезящиеся глаза от резких порывов весеннего ненасытного ветра.

Добродушный дворник в ярко-оранжевой жилетке из средней Азии усердно метёт уличные поверхности. Остатки льда в уступах неровного асфальта он засыпает соляным раствором с гранитной крошкой.

Город живет своими горожанами. Питается солнцем и смехом. Запахом первых цветов. Любовью и выхлопными газами. Город живет радостью и надеждой. Петербург завернулся в весну. В лёгкое покрывало из пыли и прищуренных глаз.

Нева, широко улыбаясь изгибами, сбрасывает ледяные оковы. Тёмная вода, подпертая красными берегами источает тонкий аромат весенней невской рыбы-корюшки. Рыболовные баркасы умело шныряют между медленно плывущих льдин. Суровые люди в брезенте всматриваются в водные водовороты по бортам.

Исторические здания сушат барельефы после зимней спячки. Гурьба китайских туристов отмечает фотосъемкой факт своего присутствия в Северной столице на фоне умытой Дворцовой площади. Отражение в лужах оставшихся после поливальных машин делают выпуклость арки Генерального штаба замкнутой. Замкнутая окружность впечатляет любого туриста с камерой. Фотограф готов лечь прямо в мокрое отражение, чтобы раз и навсегда запечатлеть такую архитектурную красоту.

Город всем даёт возможность, убежище, любимый сердцу уголок. Город любит каждого. Гости и горожане отвечают взаимностью. Переполняющие эмоции рождены от весеннего времени года. Люди рады оставить меньше одежды на себе, чтобы при объятиях почувствовать тепло друг друга. Люди много обнимаются. На Английской набережной, на Фонтанке у дворца Белосельских-Белозерских. Обнимаются, заморожено глядя на вечный огонь на Марсовом поле. У Спаса-на-Крови обнимаются, смешиваясь с толпой приезжих российских и иностранных туристов. Обнимаются среди бородатых художников рисующих карикатуры и виды канала Грибоедова на радость публике.

Настоящее рядом. Породистость возраста. Рука об руку прогуливаются умиляющие своим видом пожилые пары. Старики в темных суконных пальто поддерживают нежно друг друга. Хрупкие интеллигенты аккуратно уступают дорогу вечно опаздывающей молодежи. Казанская улица вечно переполнена студенческой братией щебечущей по стайкам от собора до альма-матер.

Особенно весенняя радость ощущается в петербургской подземке. Люди отложили книги бумажные и электронные. Люди разглядывают людей. Пляски букв во время поездки временно заменило созерцание противоположного пола.

Поэтическое время года весна, неумолимо ведущее к другому питерскому романтизму Белым ночам.

Сезон за сезоном меняется погода, пейзаж и люди. И

только вечный северный город остаётся стеречь покой своих граждан, разводя или встречая их как мосты на своих знаменитых улицах. Добро пожаловать любовь в весенний Санкт-Петербург.

Глава 1. Плавное течение

Николая вытащил из сна звонок чужого телефона. Гитарные аккорды «The Cure» разрывались тупой болью в каждом виске. Надрывный голос молодого Роберта Смита, образца 1987 года, то ли вопрошал, то ли требовал действия:

– Show me, show me how you do that trick...

Песня играла достаточно долго. Рядом на кровати, кто-то или что-то, зашевелилось. Глубоко выдохнуло и заткнуло Смита. Николай не признавался в пробуждении, ни себе, ни чему-то его окружающему. По старой привычке, просыпаться в разных местах, он любил прощупать ситуацию для начала, или хотя бы восстановить картину предыдущего дня. Удавалось не всегда. Левый глаз, начал неспешное движение по комнатной обстановке. Место было абсолютно незнакомым. Огромная, в темных тонах, пыльная комната. Возникло ощущение казармы, но вместе с тем, казармы, для высшего офицерского состава. Тяжелая штора заслоняла дневной свет, не давая шанса проникнуть даже маленькому лучу света. Свет давала причудливая бронзовая люстра, похоже, горевшая со вчерашнего дня и распахнутая дверь в другую комнату. Массивные книжные полки тянулись, насколько хватало расстояния, по обоим параметрам в длину и высо-

ту. Небольшой прикроватный стол был захламлен периодическими изданиями разных стран и на разных языках. Поперек стояла разыгранная партия в шахматы, и стакан в подстаканнике с засохшими мутными границами. Игральные карты с ромбовидной рубашкой и жирными пятнами были разметаны по всей поверхности.

Шевеление на кровати по-соседству не прекращалось. Доносились лихорадочные щелчки набора текста на смартфоне. Как-будто кто-то нервно и отрывисто вел диалог подушечками пальцев. Николай с осторожностью начал делать полуоборот головой, в надежде визуализировать источник. Скользкое шелковое постельное белье, отливало насыщенно-синим цветом. Попытка удалась не с первого раза. Николай, был плотно упакован в одеяло. Почему-то вспомнились пирамиды и мумии из школьного прошлого. Затем пульсирующий мозг выдал аналогию с сосиской, закрученной в тесте.

Существо напротив наоборот, была сама «распашонка». Первое, что бросалось в глаза татуировка, на худой ребристой спине, повернутой вполоборота змея, уползающая под широкую резинку снежно-белых трусов «Calvin Klein». А может и не змея, но что-то из рептилий. Возникло желание посмотреть, чем же заканчивается произведение, похоже, неплохого тату-мастера. Сомнений не оставалось, что это была молодая девушка, с достаточно аппетитными спортивными ягодицами. Эта девчонка и была источник звуков. Это

она производила единственные шумы в этом офицерском музее. В неудобной позе, она, не по-человечески изогнувшись и выставив, почти к самому лицу Николая свою слаженность, продолжала быстрые движения по светящемуся экрану. Подняв глаза выше, Николай увидел свои трусы, на прикроватном столике, с другой стороны, вставленных рулоном в подобие вазы, среди других пыльных ваз разных размеров. Николай нырнул рукой под одеяло, белье отсутствовало. Головная боль возвращалась толчками. Разведка обстановки мало, что прояснила. Нужно на что-то решаться, выпить воды, поискать заглушающего боль.

– Барышня, не будете ли столь, любезны, переправить сие хлопчатобумажное изделие, вставленное воон в тот погребальный сосуд? – натужено проскрипел он.

Спина вздрогнула от неожиданности, и быстро повернула голову. От резкого оборота на спину упал кулон на замысловато-заплетенной цепочке с надписью «ANN». «Похоже, что одной загадкой будет меньше», подумал Николай. На вид ей было не больше двадцати лет. Прямые черные волосы непослушно закрывали правильное лицо с острыми чертами и улыбающимися, блестящими до черноты, глазами. Острый нос нахально фыркнул. Она опять уткнулась в телефон.

– Чего, опять провал? – продолжая ковыряться в телефоне, спросила она.

– Скажи еще, что не помнишь, как меня зовут и где мы зависаем! И сколько раз, тебе умник нужно повторять, что

не нужно меня называть барышней, все это отдает тревожными событиями из революционного Петрограда! Заканчивай с этим декадентскими обращениями, сейчас твои обращения ничего не вызывают, кроме изжоги.

– Почему не помню? Все, я помню, ну или почти все, – ответил Николай, – а у тебя не найдется дома чего-нибудь от головной боли, или давления? И воды, бы...

Она, двумя пальцами, дернула трусы из вазы, не глядя и не отрываясь от телефона, пульнула их небрежно в его направлении.

– Зварзин, ну ты и придурок, как ты задолбал со своими болячками!

– А что, я неизлечимо болен или так, вы немного преувеличили и обобщили? Ну, этих болячек у меня присутствует не одна? – Николай сглотнул сухость в горле.

– Да пошел ты! Ты и твои болячки куда подальше, устроил тут день сурка в очередной раз! Ну сколько можно?

– Да, что не так Анна, объяснитесь, наконец, поведайте больному, где хворь притаилась, где я не прав? – он заискивающее посмотрел на девушку и снова Николая неприятно кольнуло в висок.

– Анна??? Это просто невыносимо! Нужно точно этот кулон выкинуть или поменять на мое имя.

– Простите сердечно, но я думал...

– Думал он, одна и та же история третий раз подряд. Задолбал!

Николай, честно, попытался реанимировать не к месту предавшую память небольшими якорьками, взглянул еще раз на плотно обтянутые бельем выпуклости, еще раз рассмотрел татушку, даже воздух потянул ноздрями со стороны знакомой незнакомки. Картинки и тонкий аромат сладких огурцов ни куда не приводил. Знакомых ассоциаций по-прежнему не возникало.

– Третий раз? Я, бы запомнил такую жо... татуировку! – на какой-то миг, ему показалось, что он это подумал про себя. Нереальность происходящего давила.

Наконец, девушка полностью развернулась к Николаю, заняла киношную, позу, опустила голову на руку и перед ним оказалась голая грудь, смутив его от неожиданности на какое-то время. Девушка не стеснялась, она прекрасно осознавала все свои достоинства, было видно, что любила и ухаживала за своей точеной фигурой, за своим оружием. Кружевной загар свидетельствовал о пренебрежении вариантом топлес, в принятии солнечных ванн. От всего этого, незнакомка становилась, только более желанной.

– Коля, неужели нет таких врачей, в этой колыбели революции, которые помогут там таблетками или операциями какими-нибудь? Или мозгоправ там какой?

Девушка начала немного подбешивать, очевидно, историческую книгу читает, что так часто аналогии проводит. Неужели так сложно дать, пару вразумительных ответов? Затем, она видно сжалась над Николаем, увидев гримасу го-

ловной боли на его хмуром лице.

– Я Света, ха-ха, будем знакомы. Это квартира одного твоего приятеля из академической среды, профессорского сына. Не знаю, куда он делся, может где и здесь ошивается. Зовут его как Маршака, детского писателя, знаешь?

– Самуил, что ли?

– Вооот, видишь, оказывается помнишь! – обрадовалась Светка.

– Маршака помню, – честно признался Николай, – Самуила не очень.

– Ерунда, когда увидишь, не ошибёшься, – она опять потянулась за телефоном, который издал сдавленное мычание, – кроме прочего, не считая него, мы тут вдвоём.

– Свет, таблетку, башка сейчас расколется, плиззз!

– Я же тебе говорю, жилище оное не принадлежит здесь возлежающим, я даже не знаю где искать средства исцеления, на каких полках. Ну, ладно, пойду, окину взором, кухонные владения, – зашевелилась она, – обычно все это там прячут.

Света, и дальше не стесняясь, соскользнула с шелка, встала во весь рост, потянулась как-то по-хищному, засеменила в направлении светлого дверного проема с парящими пылинками. Спинная рептилия струилась к глубоко-запретному.

– И запить не забудь, пожалуйста, – крикнул ей в спину Николай.

Она растворилась, не оглянувшись.

Послышался шум, открывание-закрывание ящичков, две-

рок, брэнчание склянками, перекладывания с места на место, шуршание бумагой, падение предметов и время от времени проскальзывающий непечатный слог.

– Есть Аспирин и Папаверин только, – слышался Светкин голос, перебирающей пачки таблеток, – остальное тут фигня какая-то забугорная, я такие названия в первый раз вижу!

– Сойдет, тащи.

– И вода, если из-под крана только, тут есть холодильник, но он абсолютно пустой, ни еды, ни воды и жутко воняет рыбой.

– Свет, шевели булками, не до манер, Невский водопровод один из самых лучших в мире, наверно...

Появившись в проходе, она замерла на пару секунд, красуясь и призывая оценить свои сокровища, выглядела она действительно фантастически-сложенной, эти не загорелые острова грудной клетки, эти ярко-белые трусы, прямо открытка курортов с белыми песками. Она продефилировала босиком по полу и присела на одно колено рядом с Николаем. Он, судорожно разорвал обе упаковки, посыпавшиеся белеющие кнопки, художественно смотрелись на синем белье. Жадно проглотив таблетки, как будто сам их прием уже исцелял, Николай откинулся обратно на подушку. Светка кокетливо свела плечи, рассматривая мужскую реакцию на ее наготу.

– Зварзин, когда ты наконец отлюбишь меня, или мне так и помирать не отведав тобой разрекламированных плотских

утех?

– Чего?– Николай напрягся.

– Ты меня третий раз приглашаешь, на интимную чашку чая и никак не можешь дойти до сути, не в состоянии разве-сти, заметь не меня, а себя, не на большое и чистое, а на маленькое и похотливое. Бравируешь, что небо в алмазах у меня почти в кармане, а вместо этого я постоянно ищу таблетки от твоего давления то по сумкам, то по ящикам и столам чужих квартир. Потом, эта твоя, амнезия после припадков с давлением, я устала уже рассказывать содержание предыдущих серий. Друг мой, наш сериал затянулся. Или ты, просто ничего не хочешь, так скажи, чего тянуть?

Головная боль, начинала пульсировать через раз, возвращалась способность здраво рассуждать, что-то чувствовать, Светку хотелось и не хотелось одновременно. Какие-то обрывки всплывали, другие квартиры, другие похожие случаи, но пока не столь четко, что бы все сопоставить.

– Свет, не души меня, точно не сегодня. Нет, ну я, конечно могу если хочешь, но это будет немного не то, как бы европейское, а не индийское. Либо сама, можешь оседлать раненого бойца, и добиться чего тебе нужно. Сам, на работу выйти, я не смогу. Извини за не выполненные ожидания. Светка со всей силы распахнула одеяло. Николай лежал голый, но в стоптанных «найках».

Светка расхохоталась, – Без трусов, но к бегу готов! Это что за наряд, за Эквадор бежишь, что ли? – она резко накло-

нилась и укусила Николая за шею.

«Убей не помню, откуда появились эти кроссы, они явно были на размер больше, да и вообще-то я «балансы» предпочитаю, бритишовые, могу даже поклясться, странно, но это помню отчетливо, а откуда эти выдавшие виды стоптыши, не понятно» – промелькнуло скороговоркой в голове Николая.

Опять запел Роберт Смит, и он же, старый друг, спас от неловкой ситуации. Светка поспешила на помощь своему телефону подбирающемуся к краю стола.

– Ага. Опять. Нашла, на кухне. Угу. Да, собираюсь.

Ей даже не было необходимости, описывать ситуацию досконально, на конце телефона человек был в теме, обо всем. Нужно действительно съездить к специалисту, а то за немощного старика примут, чего доброго. Голова почти прошла, была небольшая тяжесть в затылке и привкус ржавчины во рту. Нутро квартиры всколыхнулось. Откуда-то из глубины послышался звук нарочито громко хлопнувшей входной двери. Николай быстрее прикрылся одеялом, как щитом, непонятно кого может принести в чужую квартиру. Светка так же болтала по телефону сидя на краю кровати, закручивая пальцем волосы.

–Йоу, старичелла, шалом! Привет Свет! – в проеме, показался несуразный доходяга среднего роста, с кучерявой копной рыжих завитушек, на шее у него болтались наушники «Beats by Dr. Dre», из которых раздавалось очень монотонное и речитативное. Даже с кровати, часто слышались

слова шит, фак, факинг, йоу и им подобное, просто в разном порядке, но одни и те же, иногда разбавляемые словом бро. Одет этот снежок был в последнюю коллекцию марки «Supreme», подобранную тщательнейшим образом, яркие вызывающие принты, органично вписывались в образ, лицо его лучилось позитивом, захотелось встать и обнять, этого недоделанного репера.

– Прива, Самуилище – Светка, даже не подумала прикрыться, махнув приветственным жестом.

– Здравствуйте – сказал Николай, прячась за одеялом.

– Опять? – глядя вопросительно на Светку, он кивнул в сторону Николая.

– Ага, – она потрясла головой, – тут помню, а тут не помню.

– Господин, на сома не желаете? – исполнил он какой-то пропеллер руками, похоже приглашая последовать за ним.

– Зачем? Куда? – хотя Николай был рад уже подняться с этого шелкового плена.

– Проштробим штробу, дадим джаза в честь князя Штробецкого, сизого погоняем, создадим искусственные облака на вверенной территории – быстро вывалил он.

Недолго думая, Николай решил обмотаться одеялом. Все равно, одежды поблизости не наблюдалось. Валялись только одни джинсы, наполовину вывернутые на левую сторону, явно не мужской принадлежности, слишком узкие и все в дырках. Счастье-сельской модноты. Из своего, Николай увидел,

только один зеленый «счастливый носок», выглядывающий как закладка из альбома античных статуй. Чем же они вчера тут занимались? Решив, что достаточно прикинут, Николай побрел на кухню за Самуилом.

Глава 2. Самуил

Самуил хозяйничал на кухне со знанием дела, открывал нужные ящики, доставал нужные вещи. По-деловому, не спеша, наполнял из-под крана разинутое горло чайника. Из наушников продолжала долбить тошнота. Он скинул свитшот оставшись в одной футболке со сношающимися кроликами. Приоткрыл окно и включил вытяжку над плитой. Кухня, как и комната была просторная, пыльная и тоже, повсеместно завалена различными стопками книг и журналов. На локтях Самуила отливали всеми цветами радуги татуировки с надписями. Похоже, что я один здесь не запачкан чернилами, – подумал Николай, – а у них тут похоже клуб любителей посамовыражаться. Чайник запузырился голубым светом. Никого не спрашивая, Самуил достал три чашки разные по цвету и размеру. Деловито поставил их на стол, покрутив каждую.

– Кокнули много, а купить новых одинаковых некому, – пояснил он, указав на разные по цвету и размеру чашки.

Николай, сидя на стуле, наблюдал за его суетой. Что-то очень знакомое сквозило в его движениях. Дотянувшись далеко за вытяжку он достал сахар, но, не удержав плоскую широкую сахарницу шмякнул ее на плиту. Серебристые кри-

сталлики взорвались бисером по всей плите, частично упав на пол. Самуил в досаде замер на месте.

– Mierda! Todo esta patas arriba! – выругался он.

– Eso si que es la vida, amigo mio, – внезапно для самого себя выдал Николай.

Он аккуратно начал сметать ладонью все на пол, наступая на сахар, который глухо хрустел, как наст, под его ногами.

– Я смотрю оживаешь потихоньку солдатик, ну что, по заварке и папирам? Начал диалоги диаложить, значит, возвращаются телесные соки в родные берега, – развернулся он в сторону Николая, при этом не переставая сметать сахарный песок.

– Да, голова свое отболела, начинаю перетекать из группы пассивных соглядатаев в группу активных жизнелюбов, принимать активную жизненную реальность, – Николай неожиданно для самого себя поморщился от первого длинного предложения за утро.

Все действительно, как-то вдруг, начинало вставать на свои места. Самуил, Светка ну или почти все, что происходило вчера.

Светка в комнате продолжала намагничивать свой мозг телефоном, без конца похохатывая и кокетничая с собеседником. Николай не стал прислушиваться, о чем идёт речь.

Повелитель чая крошил пахучие сушёные сморщенные листья и темные опилки в чашки.

– К заварке ничего нет, был только этот сахар, если не

брезгуешь, могу с пола для тебя собрать, – наклонившись Самуил щипал пол перенося просыпанное в чашку.

– Спасибо, дружище, пожалуй, я возьму самоотвод. Слушай, а зачем ты тогда все вниз смел, если теперь с пола собираешь, мог бы сразу проявить мозговую активность и ссыпать сразу в чашку.

– Понимаете ли Николай Александрович, смею вас заверить, что не выношу неопрятные поверхности. Варочные в особенности, когда там жирные пятна присутствуют, я готов вскрыть себе вены. Или тому, кто это устроил. И вообще все неопрятности, чего бы не коснулось, кроме еды конечно. Последствия продуктовых неосторожностей готов иногда прощать. Студенчество, понимаете не проходит даром, унаследовал от маман, сей прекрасный порок. У меня даже на этой почве, если знать изволите, несколько реальных случаев расстроилось, зайдешь бывало сигареткой на кухню в гостях травануться, а там таааакое...

Самуил подтащил вторую кружку, и в нее тоже кинул несколько щепоток прямо с пола. На поверхности чая плавали пылинки. Из комнаты доносились диалоги пальцами, щелчки сообщений звучали нескончаемой дробью.

– Свет, королевский завтрак подан, иди бери свой чай, – крикнул в потолок любитель идеальных поверхностей.

Света забежала босиком в кухню лукаво улыбаясь и утопая в просторном балахоне с № 21 на груди.

– А почему тут плавает ботва какая-то? И мутный он. Вы,

что руки там мыли или рот поласкали? – она перевела взгляд на Николая, похоже не доверяя Самуилу.

Николай сделал максимально каменное лицо, подумав, что глюкоза ей пойдет на пользу, после долгих телефонных облучений. Не дожидаясь, ответа она направилась обратно в комнату на очередной зов Роберта Смита.

– Слышь, друг Самуил, а откуда у нее такая любовь к олдскульной музыке?

– Ну ты че Колян? Это же твои прогоны, ты ей так задвинул вчера про всю эту реальную панкотню про «Joy Division», «The Cure», Сида Вишеса, «The Clash» и много чего еще, потом был «Depeche Mode», а под конец ты перешел на Крематорий, я бы сам тебе дал, не то что она, она и скачала сразу трек себе на звонок, сказала потом, что будет это считать вашим свадебным маршем. Там вчера в сквере, во дворе моего дома, еще два молодых синяка с тобой до усрачки спорили кто был первичен Клэш или Пистолс. Какие же они пургометы. Реальный тебе зачет Саныч, если бы я так подкован был, по своей музыке, считал бы свою миссию на Земле выполненной.

– Не гони, в твоем голосе улиц не так уж и все сложно, хочешь напишу пару ссылок и пару оригинальных фильмов, одолеешь, блеснешь при случае. И если тебе не сложно можешь на время не давать голоса Тупаку или хотя бы прикрутить немного громкость, у тебя, я подозреваю, подряд несколько часов на круг поставлено. И еще, все хотел спро-

силь, это чья квартира? И почему, так пыльно и пахнет казармой?

– Дык, предков хата, живу я, только не живу, поэтому и пыли столько, хотя было бы больше если бы жил, они сейчас в Белоострове обитают, типа дают мне шанс самостоятельным побыть. А денег от этих подработок еле на благородную синьку и приличные сигареты хватает, – он достал сигарету и затянулся между глотками с горячим чаем. Папа был уверен, что к концу универа со всей моей идеальной иностранщиной, дядя пристроит меня куда поближе к дипломатической службе, да куда там, молодняк весь в пятом поколении, места занимает, начиная готовиться еще до поступления в институт. Вот и тружусь во фрилансе, то с одной гостиницы наберут, отвезите испанцев по местным ресторанам, то с другой, покажите любителям чая район Купчино, недавно любителей пасты по местным фермерам возил, выбирают хозяйство для покупки, зачем оно им?

– А самое популярное, это любых из них до ДЛТ или Бабочки, свозить, сбить цену на добрую брендятину, ну магазины, подбрасывают долянского, карточек мне дисконтных выдали, каких у самых продвинутых трендсеттеров никогда не появятся, перепродаю эти скидки, но в последнее время не так много заказов по моей языковой группе. В Европе трагичнее стали осмотрительнее, жопа у них, хотя жопа у них всегда была. Просто с человеческим лицом. Смешно звучит, жопа с человеческим лицом, – улыбнувшись, Самуил с напо-

ром выпустил вверх сигаретный дым, – Зато, мои кенты с восточного факультета в полном «Сникерсе» с такими жирными орехами, азиаты прут нескончаемым потоком, платят копейки, но налетают целым ульем, а с каждого по копейке, вроде и доллар набегаёт. Эх, говорил мне папенька: «учи китайский сынок, нация, которая растёт такими темпами, обладая возобновляемой дешёвой рабочей силой, нагнет каргу Европу и загонит ей по самое-самое их же европейскими товарами. Пройдётесь всей массой по замшелым европейским ценностям».

Самуил жадно отхлебнул чая и со значением заглянул в глаза Николаю. Николай тоже глотнул горячего чая.

– Потому и набегаю на отчий дом как Мамай, крошу холодильники и погреба. Мать отца балует разными изысками, иногда своего иногда ресторанный доставочный производства, но по старой привычке заказывает с избытком, или специально, не знаю, подманивает и подкармливает своего малого полиглота, – а дух военщины в квартире распространяет кирзовая группа, вчера на кафедре молодняку сапоги выдавали, ну и я две пары взял от жадности.

– Кстати, ещё к запахам, а что тут за история с рыбным холодильником, чего за шмон, что глаза режет, как в общественном туалете? – спросил Николай.

– А, ты про этот старый Либхерр? Нормальный фридж, не вонючий там в прихожей прячется, только там тоже ничего, говорю же голодаю, – а этот отец использует, когда с

рыбалки на заливе или Ладоги возвращается, своей профессуре подарки хранит, судаков да лещей, любители они старых совковых традиций, знаешь, один ловит другой коптит с ольховой щепой. А потом вместе по баням в общих отделениях высиживают. И все это уминают под ученые разговоры и разные премудрые домашние настойки, выдержанных на всяких лесных и садовых травах.

Из комнаты доносились звуки, как будто, тягали гантели, видно пальцы Светки устали и она решила прокачать более важные части тела, что бы они выглядели еще аппетитнее.

Николай встал и тоже закурил, выдыхая в приоткрытое окно, жизнь начинала налаживаться. Чай протек по каждой клетке тела. Голова прояснилась. Самуил исчез в глубине квартиры, оставив его одного.

На стене висела фотография начала истории полной надежд семьи, два молодых родителя, одетых по простому, но с очень живыми глазами и печатью мощного интеллекта на улыбающихся лицах, с кучерявым Самуилом на перевес, девочкой подростком с баранками из волос. Семейная идиллия. Николай всегда завидовал полноценным семьям. Полному, а не половинному семейному счастью, когда отец отвечает за мужское, а мать за женское. А не одна мать, передвигающая шкаф для поклейки обоев, прикручивание шурупамии книжной полки и отвечающая за пришивание пуговиц на отпаренный пиджак одновременно.

– Коля, а какого твои кишки лежали в туалете? – спросил

снова появившийся на кухне Самуил, – и здесь, почему-то всего один носок.

Самуил выглядел растерянным и виноватым, как будто это он его украл, а теперь стоит и не знает, как оправдаться.

– Забей! Я знаю, где спрятался этот гаденыш, – Николай принял одежду скрученную в улитку и сбросил одеяло на кухонный стол, – Слушай, у меня еще вопрос на засыпку, где мои боты, и чьи это кроссы?

– Так отца, чьи же еще? Он в них помойку ходит выносить сколько себя помню. А ботинки не знаю, в прихожей наверное, там пара незнакомых мне имеется не принадлежащих фамилии этого родового поместья, и похоже вряд ли они Светкины.

Громко хлопнула входная дверь. Зазвенели друг о друга два бокала на столе.

– По ходу подруга твоя аглицким методом самоликвидировалась, – Самуил сказал с нотками досады в голосе, от Николая это не могло скрыться.

– Ну и хорошо! – сказал Николай, – на это утро одной проблемой меньше.

– Может поедем отобедаем в приличное место, а то мой желудок сам себя переваривает второй день, – предложил Николай, обнаружив в кармане тугую пачку с купюрами разного достоинства. Вслед за ней на пол выпало несколько пластиковых карточек черного цвета.

– Claro que si! Естественно товарищ мой! – Самуил, как

ребенок радовался, засучил ногами на месте, как ретивый жеребенок перед забегом.

– Приму только освежающего туалета, почищу внешнее и внутреннее, и в путь, – Николай в одних кроссовках и с одёжным тюком вышел из кухни.

Глава 3. С вялым наперевес

Выйдя из тропического душа, Николай поморщился от вида несвежей скомканной рубашки лежавшей сверху, но приятное ощущение после освежающего душа перебороло и захлестнуло эмоциями, захотелось делиться со всеми все-ленской любовью и телесной чистотой.

– Эй академик ты классикой не богат? Терпеть не могу рубашки второго дня! – крикнул он, что было мочи, в дверь.

Через какое-то время, в дверь поскребли. На пороге стоял ржуший Самуил, в руках он держал отцовскую белую рубашку, – есть только такая.

Размер был подходящим, но воротник был с длинными заостренными концами, которые так уважал Тони Монтана.

– А у тебя отец точно профессор? И всегда им был? Мне всегда было интересно, кто покупает такого рода вещи, при чем неважно, даже если это было модно в то время.

– Не гунди, – заржал во весь голос за дверью, уже не сдерживаясь Самуил, – выбирай, либо чистое, либо спать дома.

Николай, с бодростью поднял свои не один раз перекрученные штаны и пиджак. «Хвала портным Италии и не мнущейся ткани», с удовольствием подумал он. Костюм выгля-

дел, достаточно прилично, от пара душевой мелкие складки тоже исправили свою кривую улыбку. Из кармана выпал айфон. Николай поглядел на заваленную сообщениями и пропущенными звонками поверхность. Пропущенных вызовов двадцать семь. Николай разблокировал устройство, иконки программ и мессенджеров пестрили красным цветом. СМСки, понятно, их было много, пятница-суббота, горячие предложения от магазинов, ресторанов, клубов. Все хотят приобщиться к твоему кошельку, раскрутить тебя немного на заработанное.

Николай заметил смс от матери, в не принятых она была тоже, много раз, – фак, фак, фак, – выругался он набирая номер. Сердце стучало.

– Да, Мамуль, все норм, у тебя как? Обязательно заскочу как-нибудь на неделе.

– Штрафы? Хорошо, заберу, не волнуйся. И ты себя береги!

Отлегло. Николай отключился от разговора. Николай очень любил свою мать отдавшую ему себя без остатка и только самое лучшее, что только было в их совместной жизни, всегда себе в ущерб. Положила свою жизнь на алтарь родительской любви, отказывая себе во всем, при его воспитании.

Пролистав дальше номера Палычей, Евгеньевичей, Александров, Айвана, Светы и прочих номеров без подписей, решил больше никого не набирать, подумав: «кому надо сами

наберут». Дело было за малым, пройти через облако одеколна и вперед.

На полках оказался только стариковский вариант, классика от «HUGO BOSS», понятно папин, но сойдет. Оглядев себя и свою щетину в зеркале Николай посчитал свой вид сносным, все, кроме воротника рубашки.

– Ну что, седлать лошадей, гусары едут кутить! – распахнув дверь, крикнул он в темноту комнаты откуда опять доносилась музыкальная низкочастотная долбежка.

Из темноты выскочил Самуил уже в парке и нахлобученном капюшоне. Блестящие коричневые «Сантони» Николая были протерты и заботливо поставлены прямо перед выходом из ванны. Отыскавшийся второй носок бережно почивал здесь же. Николай решил не смущать Самуила, благодарностью, видно тому просто очень хотелось поесть, поэтому он минимизировал временные потери на задерживающие препоны.

На улице стояла по-настоящему весенняя погода. Было сухо и прохладно. Солнце ласкало лучами фигуры пробегающих мимо школьников. Две вороны громко каркая раздирали полиэтиленовый пакет. Бабулька на скамейке у подъезда проводила их подозрительным взглядом. Сошедший с газонов снег обнажил отходы собачьего производства. Мимо, по Кондратьевскому проспекту, пролетела скорая помощь с сиреной, оглушая прохожих тревожно и неприятно.

Сталинки Кондратьевского снаружи выглядели еще хуже,

чем внутри. Преимущество этих домов заключалось в высоте потолков и удобной планировке. Промышленный гигантизм из семидеятых. Цвет дома не соответствовал эстетике погоды и настроению Николая, нужно было покинуть этот оплот школы Ленинградского конструктивизма. Скорее в центр, к ласкающим взгляд, историческим фасадам.

Николай люто ненавидел только одного погодного врага, влагу под ногами, убивающую дорожную обувь, его главный фетиш наравне с нижним бельем, другим залогом душевного комфорта. Пощупав карманы песочного цвета кашемирового пальто он достал ключи от машины. Загаженная птичьим пометом черная пятерка стояла одним колесом на газоне. Самуил радостно подбежал к пассажирской двери.

– Николай Александрович разреши пару зачетных тем крутануть, на твоей акустике, у меня очко сжимается, когда твоя свех акустика качает!

– Ага сейчас разбежался, будешь свое очко, в другой по-мойке сжимать и разжимать, боюсь в моей стекла потрескаются, от одного слова фак из твоих серьезных песен.

Самуил не расстроился, усевшись поудобнее начал играть-регулировать всеми доступными настройками сидения под свои ощущения. Николай плюхнувшись на сидение первым делам включил подогрев руля, даже летом эта функция согревала ему не только пальцы, но и душу, самая востребованная опция, летом выпивающая пот с ладоней, а все остальное время ласкающая их нежным теплом.

На заднем сидении лежал огромный букет длинных ядовито-желтых нарциссов, колоритно смотрящийся на фоне черной кожи скакуна баварской конюшни. Самуил тоже обернулся. Светкин букет получил шанс быть передаренным кому-то еще. Николай рванув дверь, хотел выкинуть букет, но пожалел беззащитных голландских путешественников. Вместо этого он подошел к подозрительной бабушке у подъезда и положил букет на скамейку рядом с ней, одарив ее многозначительным взглядом. Отошёл не оборачиваясь и ничего не сказав. Бабушка заерзала на скамье переводя взгляд с букета на удаляющуюся спину Николая и обратно.

Весенний полупустой город стремительно летел за окнами машинами и улицами, мелькал скверами и мостами. Лагутенко тоже превышал свою скорость, но в другом контексте. На Большом Петроградки какая-то девушка помахала из соседней «ауди». Даже светофоры казались умытыми и сопровождали поездку приветливым травяным прищуром. Самуил вяло перебирал что-то в телефоне, похоже, что создавал новый трек-лист. Машина выскочила на проспект Добролюбова.

Николай решил выступить нарядно. Если тусоваться, это рестораны группы «Жинза», еда так себе, но курочки неплохие кучкуются, дают чайник на стайку, постоянно требуя долить кипятка, если поесть, то «Бробка», неизменное качество проверенное временем и отношениями. Цена не простая, но позволительная для роскошного чревоугодия. Зная

хорошо Михаила и Арама Цакановых, людей больных на всю голову до своего детища, переживавших откровенно за любой проект в который бы они не входили. Николай доверял им безоговорочно, и не понимал людей предпочитающих другие места. «Бробка» была дом родной, сколько было выпито и отпраздновано еще на старом адресе на Белинского, ночные посиделки в закрытом винном баре и ресторане «Иль Жрапполо». Люди понимали, чем занимаются. В это время, когда все стремились пользоваться дешевыми продуктами и не профессиональными работниками, эти парни не искали компромисса, ужимались сами не ущемляя достоинства клиентов.

Клиенты платили тем же, лица были одни и те же. Приводили с собой себе подобных, так и сбился костяк заведения. Николай ценил, профессионалов и профессионализм, чего бы это не коснулось, никогда не спускал выскочкам нахватавшимся самых верхов, выводя их на чистую воду. Сам, в своей работе придерживался тех же принципов. Если к тебе обратились по какому-то вопросу, никогда не оставляй белых пятен у спросившего, не юли и не обманывай. Как в песне про «стрелять и любить».

Парковочное место нашлось быстро, прямо под окнами заведения, чья-то охрана на трех машинах не наглена и не занимала места для рабочего класса, стоя под аварийными парами вторым рядом. Знакомый бармен кивнул им через большую свежевывытую витрину.

– Столик бронировали? – дежурный вопрос новенькой хостес не смутил Николая.

– У нас пожизненная прописка, – ответил Николай передавая пальто.

Самуил сделал вид, что у него много ценного в карманах похлопав вопросительно себя по ним и перекинул снятую парку через руку.

В зале было как обычно многолюдно. Много знакомых лиц. Первым делом Николай кивнул Михаилу, размахивающему руками на открытой кухне как индюк перед дракой, затем всему кухонному персоналу. Тем, кто старается держать марку заведения ежедневным трудом, орудия кухонным оборудованием и жонглируя продуктами.

Проходя между столами Николай нехотя подал руку шапочным знакомым, выведшим свои семейства на пастбище аппетитного ресторанного поля. Несмотря на полдень, народ плотно налегал на винные субстанции разных цветов заботливо оформленных персоналом в декантеры. Лучи солнца играли и утопали в соломенных и рубиновых жидкостях пузатых емкостей малых и больших объемов.

Самуил приступил к тщательному изучению предлагаемых винных и кулинарных изысков.

Николай взяв меню из рук Самуила небрежно бросил его рядом, – Забей, и вверь мне судьбу свою о друг мой Самуил!

Не успев толком расположиться за столом Николай заметил по идиотски радостного парня, в дурацком рождествен-

ском свитером с оленями и зализанными назад блестящими волосами, виски его были выбриты местами вместе с кожей. Руки, развешенные коромыслом, намекали на скорые объятия.

– Бля, надо было в «Асторию» всё-таки к иностранцам ехать, а то сейчас пожрать нормально не дадут, и с понтами теперь за столом будет порядок – успел выругаться Николай глядя на недоумевающего Самуила.

– Николай Александрович, дай бог вам здоровья, и детям, и супруге, и великому русскому писателю Александру Сергеевичу рядом с вами.

Самуил действительно смахивал на Пушкина, только на современный манер, Николай раньше этого не замечал.

– Ты чего несешь-то? – отстраняясь от лобызающегося Антона, спросил Николай.

– Так чего несу, светлое и радостное в серые массы, озаряю путь ваш здравствованием и долголетием! – Антон засмеялся сам над своими шутками так громко, что мужик проходивший мимо, в сторону туалета, даже замедлил шаг рассматривая каждого за столом.

– Саныч ты куда вчера слился с культурного мероприятия с той зачетной девахой, походу на износ напильником работать? Поверхности шлифовать? И чего это за рубаха такая, вчера переделся перед кокосовой вечеринкой небось? Или просто продвигаешь новый тренд? – в его глазах читался неподдельный интерес.

– Анализы тебе мои за последний год не представить, флюорографию там, справку от стоматолога, талон технического осмотра и справку формы № 9? – огрызнулся Николай, чрезмерность вопросов начала его утомлять.

Вмешательство в личную жизнь без своего приглашения, он терпеть не мог, как и в чужую никогда не лез, даже если сами просили.

– Ну хорошо, не хочешь, не повествуй, я думал тебе нравится рассказывать про нетрадиционную медицину, глубину пещер и высоту холмов. Столярную обработку изделий рашпилем и надфилем.

– Я девушку отвез до дома, кошка у нее чихала. Сначала в аптеку, специальную, за животной лечебной микстурой, а затем на Московский.

– Вокзал? – пытался съехидничать Антон, на их громкий разговор начали оборачиваться с соседних столов.

– Проспект, умник! – к счастью, у Николая зазвонил телефон. На экране высветилось Света – рассвет.

– Пойду на улицу, переговорю.

– Передай от меня поклон кошкозавру – не мог успокоиться Антон.

Самуил проводил Николая жалобным взглядом.

Выйдя на весеннюю улицу в одном костюме, Николай сбросил Светкин звонок и достал сигареты. Под одиноким устройством для курильщиков, уличной лампой, он расслабил плечи и зажмурился от удовольствия. Раскаленная спи-

раль потрескивала от дуновения легкого ветерка. Искусственное тепло заботливо обволакивало его шею и плечи. Николай зажмурился затягиваясь. Картинки быстро мелькали в мозгу ни на чем конкретно не задерживаясь. Было просто хорошо. Утренняя похмельная неизвестность и тревожность постепенно рассеивалась. Николай ощущал себя на ногах все тверже и тверже. Состоянию сопутствовало предвкушение хорошего выходного дня.

Глава 4. Человек

– проспект

Побыть наедине с собой в несколько затяжек. Хотя, не всегда удаётся. Напротив входа остановилась темная «Volvo», с заднего дивана неуклюже выбрался человек похожий на пингвина. Он был в дорогом, но мешковатом коричневом бархатном костюме. Бархатная бабочка в тон подпирала подбородок. Николай смутно помнил его, как дирижера или директора какого-то театра, наравне с множеством других не очень важных людей в своей жизни. Пингвин тоже прибежал покормиться. Николай и дирижер пожали друг другу руки.

– Прелестная сегодня весна Николай Александрович, а вы себя все задымляете?

– Доктор приказал не бросать, а погода правда шикарная – согласился Николай, который к своему замешательству помнил только отчество знакомого.

– Можно любопытствовать каких медицинских дел зна-

харь поддерживает вас в вашем хобби? А то супружница моя, тоже запрещать мне все начала, говорит года уже не те. Знаете, шапка и кальсоны всегда, кроме лета. На пороге, с утра, хватит меня за причинные места и вопрошает: «Михаил Абрамович, а вы утеплились исподним?»— вид у нее при этом грозный такой. Страдаю я, от этих утеплений, потом и запахом исхожу. В театре от меня балерины носики морщат. А я не привык, хочется быть богом на своем полуострове.

Ну точно, директор театра, подумал Николай про себя. Михаил, значит, Абрамович.

– Послушайте, Михаил Абрамович, тот лекарь не про вас, он зубных дел мастер, я решил, как бы это поточнее, клавиши рояля сменить, чтобы не черная-белая, а чтобы как у Чеширского кота, от уха до уха, сверкал настоящий клад цвета унитаза, но такой, как бы естественный, вот пока делал два года, врач мне и сказал покуривать для укрепления десен.

– Хороший доктор, заботливый. А что мы все на улице, зайдемте приличного выкусить? Антоша здесь? Он меня пригласил на субботний ланч, – нетерпеливо замельтешил театрал.

– Да, он внутри. Я собственно позвонить вышел. Пойдёмте.

Николай вместе с Михаилом Абрамовичем подошли к столу. За столом, кроме Самуила и Антона сидел крупногабаритный угрюмый мужик с ногами в проходе. На его квадратной физиономии отсутствовали интеллект и мимические

морщины. Было даже не понятно из кого места он отвечает, рот не двигался. С появлением прибывших, он вскочил по военному по струнке и отбыл от стола, как будто его тут и не было.

– Начальник охраны моей, – то ли присутствующим за столом объясняя, то ли окружающим, горделиво заявил Антон, слишком долго обнимающийся и расшаркивающийся в приветствиях и танцах с пингином.

– Понятно тогда, чей там паровоз небо коптит, перегорев половину переулка – Николай сел за стол.

Антон, Николай знал сравнительно недавно. Но знал о нем больше, чем самому хотелось бы, кроме происхождения его фамилии, предполагая, что она вымышленная. Антон Невский вырос в детском доме где-то в Ленинградской области, и теперь всеми силами пытался вытащить клещами из общества все то, что ему недодали в детстве. Деньги, любовь, уважение, образование, заботу. Искал ее везде, и у всех, кто давал только намек на один из пунктов. А порой возможность отомстить этому самому обществу, за все детские обиды. Похожего рода людей вокруг Николая было много. Многих из них, он просто терпел по долгу работы. Невский был настоящий и страстный кашевар. Есть сталевары, они варят сталь. Есть мыловары, они варят мыло. А есть те, кто варит кеш. Нал, наличку, наличман. Варят не хуже сталеваров или мыловаров. Варят по серьезному, не взирая ни на что. Используя все доступные легальные и нелегальные виды

отношений между хозяйствующими субъектами. Являются незримой, но ощущаемой прослойкой между банком и клиентом. Прослойкой от сложного к простому. От гипотетического безличного к осязаемому и по-живому шуршащему.

Недостатка в клиентах никогда не было. Клиенты были очень разные. Каждый из них преследовал свою цель. Чем и кем они были? Для Антона, они не делились на группы, просто были клиентами. Клиентами, страждущими обладать неучтенными государством купюрами. Клиентами, припертыми к стенке мздой чиновничьей братией разных уровней от затрапезных муниципалов до раскормленных федералов. Клиентами, кроящими на фонде заработной платы. Клиентами, не желающими мириться с налогами. Считавшими, что переплачивают налогов с избытком. Просто откровенными прохиндеями и мошенниками. Своих клиентов, независимо от размера кошелька, Невский любил, дорожил ими. Ценил установившиеся доверительные отношения. Он купался в своей востребованности и незаменимости.

Кроме стяжательства, здоровой черты человеческой природы, Невский имел моральные принципы. Он никогда не воровал. Не помогал воровать бюджетные деньги у государства. Относился к деньгам, как к обычному товару в магазине. Просто очень специфическому товару. Покупал и продавал. Как и все коммерсанты, искал дешевле, продавал дороже. Не забывая делать ежемесячные отчисления на свой отчий дом, который дал путевку в жизнь, считал это делом

чести. На все праздники, отправлял свою охрану с мешками игрушек для подопечных детского дома. Благотворительствовал в искусстве, спонсировал премьеры Михаила Абрамовича, за что имел персональную ложу в театре и уважение среди изящных тонконогих балерин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.